

УДК 316.3:327:339.9

А. И. НЕКЛЕССА,
профессор, заведующий лабораторией
Институт Африки РАН, г. Москва, Россия

МИРОВОЙ ТРАНЗИТ: ОТ КРИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ К СЛОЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Цель: рассмотреть динамику глобальных экономических, социокультурных, военно-политических трансформаций человеческого рода в конце XX – начале XXI вв.

Методы: системно-прогностический подход к анализу социальной реальности определил «реестр» конкретных методов исследования: феноменологической редукции, герменевтической компаративистики, системной аналитики.

Результаты: выявлены общие тенденции социальных трансформаций мирового сообщества и определены стратегические риски развития глобального социума.

Научная новизна: в статье дан комплексный анализ современного мироустройства и выявлены возможные сценарии ответа научного сообщества на вызовы современности.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи актуальны для научно-исследовательской и педагогической деятельности при рассмотрении глобальных проблем современности в социально-экономической, военно-политической, социокультурной перспективе, а также развития методологии научных исследований в социально-гуманитарных науках.

Ключевые слова: системное прогнозирование; глобальные проблемы современности; глобальный социум; исследовательские корпорации; управление рисками; методология самоорганизующейся критичности; геэкономические технологии; финансовые технологии.

*Мы знали, что мир уже не будет прежним,
кто-то смеялся, кто-то плакал, большинство молчали.*

Дж. Роберт Оппенгеймер

Введение

Постановка проблемы. Глобальная революция – грандиозный переворот, универсальная дисперсия, взрыв антропологической вселенной. На планете сегодня складывается полифоничная среда, формируется подвижное многоликое и многолюдное общество. Наряду с прежней политэкономической феноменологией и поверх административной сетки возникает мир сообществ, выстраиваемых по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность мест обитания. Новое мироустройство заметно изменяет прописи практики. В XXI в. страны – уже не территории, это социально и культурно мотивированные кооперации: корпоративные и социокультурные интегрии, люди. В сплетении транспортных коридоров, коммуникационных артерий, виртуальных сетей и трансграничных ареалов утверждаются влиятельные субъекты: мировые регулирующие органы, страны-системы, геэкономические ареалы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые организмы, рожденные цивилизацией, облакаются в подвижные

оболочки – суммы взаимодействий, реализуемые все чаще неформальным и частным образом. В этих условиях обостряется конкуренция за источники социального притяжения. Культурная гравитация – пожалуй, наиболее востребованный стратегический ресурс – золотой песок, клондайк Нового мира. Магнетизм, присущий нематериальным активам нации – оригинальному мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль особой склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Социокультурный капитал вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за подвижную конфигурацию XXI в. Человек, отягощенный прошлым, его вязкой инерцией, привык воспринимать историю как однажды написанную книгу, позабыв, что ее текст мерцает, строки переливаются, а прочтение будущих глав – плод внутренних и внешних усилий.

Необходимость проведения исследования: контуры подвижного мироустройства. Вторая мировая война серьезно повлияла на оценку цивилизационной ситуации, ее статуса, перспектив, активов и пассивов.

Возник разговор об окончании периода Нового времени [1], началась ревизия основ современности – появились концепции «теологии после Освенцима», социального постмодерна [2], дебатировалась судьба одного из претендентов на роль субъекта переворота – Третьего мира как аналога исторического третьего сословия [3]. После Бандунгской конференции понимание Третьего мира меняется, он воспринимается как «третья сила» в биполярном конфликте [4]¹. Осмысление ситуации трансформирует язык, дискурс, семантику анализа и прогноза. Возникает деидеологизированная модель индустриального общества [5–10] (или отчасти идеологизированная – посткапиталистического [11]), рассматривающая модернизацию Третьего мира как догоняющую стратегию развития [12–16]. Теория модернизации эволюционирует в направлении концепции зависимого развития, порождая категорию периферийного капитализма [17–21]. Формулируется возможность и перспектива конвергенции индустриально развитых стран [21–25]. Тогда же был сформулирован концепт научного общества или общества услуг [26], нового индустриального общества [27], пришествия постиндустриального мира [28–31], сопряженный с моделями информационного общества [32, 33], общества потребления [34]. Обсуждалась категория постмодерна/постсовременности [35–37]. Параллельно складывается видение мира как системного подхода к анализу мировой, исторической, экономической динамики [38, 39]. Ведутся дискуссии о дальних горизонтах цивилизации, необходимости кардинальной смены стратегий стран как индустриально развитых, так и Третьего мира, о глобальных проблемах, грядущей мультиполярности, достоинствах и недостатках нового экономического порядка [40, 41].

Продвижение к границе исторического перехода, интеллектуальное осмысление феноменологии транзита ускорилось в 60–70-е гг. XX в., когда накопился опыт политического и экономического моделирования, технологического и пространственного развития, работы над крупными, долгосрочными замыслами, военными и космическими проектами.

¹ Впоследствии Мао Цзэдун сформулировал еще одну версию Третьего мира, основанную на делении мирового общества на три части: «По-моему, США и СССР образуют первый мир, промежуточные силы, например Япония, Европа и Канада, принадлежат ко второму миру. Мы же с вами относимся к третьему миру» (беседа с Президентом Замбии Каундой, февраль 1974 г.). [Жэнминь Жибао. 01.11.1977; Цит. по: Китайская народная республика в 1977 г.: политика, экономика, идеология. М.: Наука, 1979. С. 140–141].

В условиях «позолоченного века» – материального изобилия цивилизации, освобожденной техническим *tour de force* от ряда обременений – на Западе и на Востоке происходили масштабные изменения. Третий мир, заявив о себе Движением неприсоединения (1961), усиливался за счет деколонизации, в свою очередь обусловленной императивом глобального свободного рынка. Великобритания положила начало процессу, расставшись с «жемчужиной империи» – Индией (1947). Де Голль расторг колониальный статус французских владений в Африке (1960) и подписал Эвианские соглашения по департаментам Алжира (1962). Франция вышла из военной организации НАТО; затем последовал май 1968-го, когда завершилась «эра национального лидера». Рушились авторитарные режимы в Европе: первая цветная революция – «революция гвоздик» (переход субъектности / суверенитета от корпоративного государства к национальному сообществу) – произошла в 1974 г. в Португалии. СССР пытался обновить курс в политике – как внутренней (путем смены лидера и непродолжительной экономической реформой), так и внешней (хельсинкский процесс). В Восточной Европе «пражская весна» была приостановлена доктриной Брежнева. В Китае чистка номенклатуры Мао приняла между тем облик автаркичной «культурной революции» (затем, однако, Дэн Сяопин выводит страну на глобальную траекторию).

Момент истины – это, по-видимому, 1968–1973 гг. (как вариант десятилетие 1965–1975 гг.) – эпицентр социокультурной трансформации современного мира, реабилитации его подспудных течений и контркультуры. Нижняя граница периода была охарактеризована как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории»² [42], «год великого перелома» (Р. Диас-Хохляйтнер) [43], «мировая революция» [44].

Горизонтальная архитектура «Запад-Восток» замещалась вертикальной – «Север-Юг». Эскиз грядущего мироустройства набросал в конце 60-х гг. XX в. З. Бжезинский в работе «Америка в технотронном веке» [42] (отдельным изданием она вышла в начале семидесятых [45]). В работе фактически было сформулировано стратегическое целеполагание Запада: создание системы глобального планирования и долгосрочного

² «Наша эпоха не просто революционная: мы входим в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями» [42].

перераспределения мировых ресурсов, базирующееся на формировании региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран; образование сообщества ведущих государств мира; трансформация политической культуры, ведущая к доминированию элиты. Основные принципы этой траектории миростроительства, выдвинул Бжезинскому следующим образом:

– замена демократии универсальным элитаризмом Нового мира, где происходит «постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем» [46, с. 252];

– продвижение к наднациональной власти, однако, не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а как итог сплочения ведущих индустриально развитых стран для регулирования мирового развития посредством института, представляющего не ту или иную форму всемирного парламента, новластный клуб ведущих государств. «Движение к большему сообществу... не может быть достигнуто путем слияния существующих государств в одно большое целое...», – писал Збигнев Бжезинский. – Хотя намерение сформировать сообщество развитых стран менее претенциозно, нежели стремление к мировому правительству, зато оно более осуществимо» [46, с. 296, 308];

– в процессе реализации этих мер предполагалось, в частности, создание: основы для глобальной налоговой («чего-то, граничащего с глобальной налоговой системой» [46, с. 304]) и – что подразумевалось – эмиссионной системы.

Подобно тому, как война создала спрос на естественнонаучные знания, комплексная общественная и политическая динамика второй половины XX в. предъявила запрос на социальную концептуалистику, мультидисциплинарность, осмысление глобальной ситуации, долгосрочный прогноз и высокие гуманитарные/управленческие технологии. Обретаемые знания вкупе с новым уровнем практики позволили сформулировать «принципы мирового планирования с позиций общей теории систем»³ [46, 47] и организо-

вать мониторинг будущего: поиск, по словам А. Печчеи, «путей понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познания... как управлять новым миром» [48, с. 304; 43, с. 310].

Результаты исследования

Пристальное внимание к глобальной проблематике, отчасти, стало следствием нового статуса человечества, впервые получившего возможность уничтожения собственного рода. Карибский кризис (а до него в менее острой форме – Берлинский) продемонстрировал реальность терминальной угрозы. Рост ядерных арсеналов и совершенствование систем доставки в условиях биполярного противостояния побуждали к размышлениям о способах контроля над оружием массового поражения и перестройке мирового порядка. Обсуждение проблемы проходило, в частности, во влиятельном Совете по международным отношениям (CFR), а практические шаги предпринял Президент Л. Джонсон, заявивший осенью 1966 г. о намерении приложить усилия к долгосрочному укреплению взаимосвязей – строительству моста между Западом и Востоком⁴ [49].

В конце 1966 г. на основе Совета национальной безопасности США создается рабочая группа (во главе с сотрудником совета Ф. Бейтором) по осмыслению и реализации долгосрочного проекта.

Вскоре последовала инициированная Джонсоном поездка Макджорджа Банди – на тот момент прези-

нирования, ведущая к новому направлению интеллектуальной рефлексии: «активному представлению будущего». Название следующей записки Янча: «Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем». Идея работы – основой социальной эволюции является человек, способный формировать свое будущее; критическое условие – контроль над социодинамикой и окружающей средой. Схожие мысли содержатся в «Проекте–1969» А. Печчеи, где формулируется необходимость «нормативного планирования от будущего к настоящему» для обеспечения контроля над «некоторыми важными вопросами» (демографическая ситуация, продовольствие, безопасность) [43, 48].

⁴ Фактически, это и было инициацией политики разрядки: «Наша задача достичь примирения с Востоком – перейти от узкой концепции сосуществования к более широкому подходу мирного сотрудничества. <...> Мы хотим, чтобы Советский Союз и нации Восточной Европы знали, что мы и наши союзники будем вместе с ними продвигаться шаг за шагом настолько далеко, насколько они готовы идти. Итак, давайте вместе, американцы и европейцы, сконцентрируем, усилим, ускорим целенаправленные действия, чтобы убедиться, что действуя подобным образом, а также многими иными способами, можно упрочить связи между Востоком, Соединенными Штатами и другими нациями Атлантики». [47].

³ В 1966 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) инициировала исследование «Перспективы технологического прогнозирования», выполненное одним из будущих отцов-основателей Римского клуба Э. Янчем. В работе подчеркивалась тенденция к слиянию прогнозирования и пла-

дента фонда Форда – по пяти европейским странам, включая СССР. Летом 1967 г. произошла встреча американского президента с советским премьером А. Косыгиным (большой частью *tête-à-tête*) на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном – в местечке Гласборо. Эти события положили начало переговорному процессу по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений, выстраиванию инфраструктуры взаимоотношений между двумя странами-системами. Следующая, но так и не состоявшаяся встреча намечалась на август 1968 г. Тем не менее процесс был запущен. В Хельсинки вскоре стартовали переговоры между СССР и США с целью ограничить ядерную гонку (1969), был заключен договор по ограничению стратегических вооружений (1972).

Интерес к теме активного прогнозирования между тем возрастал: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) провела собственное исследование вопроса [47], а Совет по международным отношениям, Белый дом и Госдепартамент США – серию дискуссий по дальней границе американской политики, к которым привлекался и будущий создатель Римского клуба А. Печчеи. По свидетельству М. Банди, обсуждались возможности учреждения международного института изучения проблем, общих для развитых стран, и разработки новых методов управления, а также интернационального центра обучения. Были организованы переговорные площадки, международные и национальные организации заняты проблемами пассивации, намечены контуры систем регионального/глобального контроля, основаны неправительственные институты (Римский клуб, Международный институт системного анализа, Институт перспективных исследований), в которых велась концептуальная разведка, происходила кадровая ротация, обсуждалась мировая динамика, развивался междисциплинарный подход с акцентом на долгосрочное прогнозирование [50].

Представление о гибкой трансформации обрело форму плановой задачи, сформулированной в соответствии с общей теорией систем, но реализовывались замыслы различным образом. Что, в свою очередь, вело к усложнению профессиональной рефлексии, ощутившей вкус междисциплинарности, долгосрочности, глобального гештальта; развивалось нормативное прогнозирование, при котором вычерчивается карта проблемных зон, определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется пошаговое сближение с ним. Кстати, для России-СССР идея нормативного прогнозирования была вполне привычной, являясь

практикой как в форме генеральной установки на строительство нового общества, так и промежуточных этапов – пятилетних планов. Менялся сам взгляд на будущее, которое начинает рассматриваться как последовательность возникающих проблем, а задача прогнозирования видится, главным образом, в преадаптации – их опознании и поиске путей разрешения.

Проблему дефицита компетенций у правящего слоя можно разрешить разными способами: 1) понизив уровень системы; 2) сменив состав управленческой элиты, влив «свежую кровь»; либо 3) разработав и внедрив новые методы управления. В 1973 г. создается Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных персон, включая ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. Летом того же года в Хельсинки открывается Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, заключительный акт которого был подписан спустя 2 года. В том же году возникает упоминавшийся выше влиятельный координационный и регуляционный орган – G-7 (на тот момент G-6). В 70–80-е гг. XX в. выходят прогностические доклады Римскому клубу (начиная со знаменитых «Пределов роста» [51]), определяя болевые точки и проблемные поля будущего века. Международный валютный фонд и Всемирный банк разрабатывают и начинают применять на практике программы структурной адаптации/финансовой стабилизации, регулирующие финансово-экономическую политику в развивающихся странах и сыгравшие заметную роль в разрешении банковского кризиса на пороге 1980-х [52].

Драматичные события рубежа 1980/90-х гг. отразили острый кризис миропорядка: «Война в заливе», фактически, открыла тему Большого Ближнего Востока в новой редакции, а кризис «социалистического содружества», череда «бархатных революций» и крах СССР знаменовали поражение футуризма коммунистической программы и финал биполярности. Все это предопределило дебаты о конце истории, понимаемом как торжество либеральных идей североатлантического мира [53, 54], и судьбе *глобальной революции* [55]. Вскоре, однако, интеллектуалы, политики, духовные лидеры заговорили о наступлении периода: *глобальной смуты* [56]; *грядущем столкновении цивилизаций* [57]; об угрозе *планетарного хаоса* [58]; *конце либерализма* [59]; движении общества к *новому тоталитаризму* [60]; *капиталистической угрозе демократии* со стороны неограниченной рыночной стихии [61]; о поражении цивилизации и пришествии нового варварства [62, 63].

Тем временем в глобальном «казино» обнаруживались новые влиятельные игроки: экономически и

политически объединенная Европа, обновленный и энергичный Китай, совокупность исламских стран... Ш. Перес в исследовании «Новый Ближний Восток» так охарактеризовал наметившийся цивилизационный переворот: «До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды» [64, с. 188]. Р. Дарендорф высказывает скептическое мнение о принципе «экономического универсализма», подчеркивая гегемонию мировоззрения в любой миростроительной практике: «Было бы неправильно предполагать, что... все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства» [65, с. 86]. Таким образом, идентичность цивилизации Модерна как доминантного и универсального пространства оказалась под вопросом. Историческая симфония в новом веке, выдержав паузу перенастройки оркестра, переходит на полифоничную партитуру, при этом культурная мультиполярность опережает политическую и экономическую.

Начало XXI в. привнесло свою порцию перипетий и пертурбаций. Дата отсчета – 11 сентября 2001 г., когда была по-новому ранжирована тема «конфликта цивилизаций». Многие привычные представления о социосфере оказались редуцией реального положения вещей («понять – значит упростить»), а попытки прогнозирования при помощи имевшихся на тот момент футурологических лекал – уязвимыми и малоэффективными. Реабилитированная история прокладывала затейливый маршрут.

Наше время – время перемен. Социальный космос, расширяясь, меняет статус, переходя в иное, не исключено, перманентно подвижное состояние. Форсаж вселенской реконструкции, рост ставок в глобальном «казино», метастазы мирового андеграунда – признаки и призраки беспокойного зона, во многом отличного от прежних футурологических схем и прогнозов. Духи современности, постмодерна и неоархаизации, соприсутствуя в одном флаконе, инициируют разные цивилизационные программы. Сложившееся в эпоху Модернити мироустройство дестабилизируется, его фундамент – суверенное национальное государство – утрачивает прежнюю

устойчивость. Кризис затронул как генетические конструкции культуры Нового времени, трансформируя глобальный европейский архипелаг в универсальное организованное сообщество⁵, так и охваченные/захваченные этой культурой территории, подчас лишь симулировавшие институты национального государства без воссоздания его основы – деятельного гражданского общества. Феномен Модерна был по-своему воспринят и переплавлен в недрах колонизированных обществ, в ряде случаев отвергавших его исторические замыслы и культурные коды, но принявших оболочку современности, ее технический инструментарий и поступательный импульс («модернизация в обход Модернити», по выражению А. Турена [66]). Предельные рубежи нового строя – транснациональное неономадическое сообщество, действующее при помощи «штабной экономики» («Новый Север»), и территории неоархаизации («Глубокий Юг»), контролируемые полевыми командирами по рецептуре «трофейной экономики».

Резюмируя перемены, дизайн дорожной карты цивилизации можно было бы охарактеризовать как динамичную систему мировых связей (intra-global relations), в отличие от прежней, сбалансированной и стационарной системы международных отношений (inter-national relations) [67]. Изменились номенклатура субъектов, архитектура взаимодействий, внешнеполитический регламент. Список существенных перемен включает следующие позиции:

- кризис культурно-идеологических и практических основ национальной государственности как основной политической единицы эпохи Модернити;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров;
- перераспределение властных полномочий: с национального на транснациональный и региональный уровни;
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления;

⁵ «Сформировавшееся общество – это модель, которая может функционировать не только в оболочке национального государства. Оно может воплотиться и в картине объединенной Европы». Л. Эрхард.

– возрастание роли международных судов и системы универсального арбитража, наметившихся горизонтов «судейской власти»;

– появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния высокого уровня компетенции;

– развитие горизонтальных политических связей, появление феномена стран-систем;

– геоэкономическая регионализация различных видов хозяйственной практики, появление новой формы мирового разделения труда, перераспределение мирового дохода;

– развитие транснациональных (корпоративных) сетей сотрудничества и сетевой культуры в целом;

– транснационализация элит, генезис новой общности – мирового Севера при параллельной глобализации альтернативного социоконструкта – мирового Юга (включая частичную «варваризацию Севера»);

– кризис национальной государственности как дееспособной формы социальной организации в ряде стран Юга [68].

Делегирование национальными государствами суверенных компетенций проходит не только по глобальному вектору, но также региональному, субсидиарному, корпоративному. Мы наблюдаем феномен страны-системы, модификации субсидиарности и сепаратизма, глокализацию. Внимание привлекают районирование и обустройство геоэкономических интегрий, государства-корпорации (своеобразная приватизация госуправления), негосударственные акторы, слабоформализованные, но политически влиятельные сообщества (антропо-социальные структуры) и т. д.

Категория страны-системы или государства-региона уместна при описании актуальных политических интегрий, отличных от имперских образований прошлого. На первый взгляд пример феномена – Соединенные Штаты Америки, являющиеся федерацией штатов (states) с собственными легистратурами, законодательством, исполнительными органами, однако баланс власти в стране все же заметно смещен в пользу федеральных структур. Кроме того, важен особый статус Америки в мире, где зоны стратегического интереса – ее фактические, а не номинальные границы, которые охраняются всей мощью вооруженных сил. Другими словами, это, по сути, еще одна версия мирового регулирующего органа («господствующей державы», по выражению К. Пауэлла в бытность госсекретарем). Более точный пример страны-системы – Европейский Союз, особенно в ипостаси Шенгена. Получая визу в европейскую страну, входящую в

шенгенскую зону, читаешь (хоть и на разных языках) надпись «Государства Шенгена», а не название национального государства. Черты явления просматриваются в архитектуре Африканского союза, его попытках существенной кооперации не только в политике или экономике, но также в области применения военной силы. Примером же государства-региона, является многонациональный, поликонфессиональный Китай, точнее – Большой Китай, который включает КНР, присоединившую Гонконг, Макао и приглядывающуюся к Тайваню. Пытаясь оценить потенциальную мощь диверсифицированного по планете Китая, мы вынужденно пользуемся разными слоями социальной метрики, оперируя статистикой Гонконга, исчисляя количество китайцев в мире и т. п. Данный культурно-цивилизационный круг включает и государства, к примеру, Сингапур (77 % населения – китайцы), китайскую диаспору в странах Юго-Восточной Азии («хуацяо»), чайна-тауны, разбросанные по планете. Китайский мир – инновационное образование, пропись страны-системы, которая выходит не только за рамки национального государства, но и прежнего прочтения государственности (perse). Отчасти в этом же ключе можно рассматривать политическое устройство Индии.

Субсидиарность, т. е. добровольное либо вынужденное (вследствие общей институциональной перегрузки, обилия и усложнения функций) делегирование полномочий на региональный и локальный уровни, демонстрирует разнообразие метаморфоз национальной государственности. В меняющемся политическом контексте и в рамках более широких организованностей (ср. «Европа регионов», «Европа городов») объективно стимулируется самоорганизация и сепарация общин. В мягких формах – это особый статус автономий Ольстера и Шотландии, Басконии и Каталонии, Гренландии и Аландов и т. п. Другое проявление автономизации – сепаратизм: появление государств/квазигосударств – эпигонов распада с непризнанным или ограниченно признанным суверенитетом. На территории постсоветского пространства их список не так уж мал, включая в себя в той или иной степени: Абхазию, Южную Осетию, Нагорный Карабах, Приднестровье, Донецкую народную республику, Луганскую народную республику. Феномен не является исключительной принадлежностью постсоветского пространства. Можно вспомнить генезис Косово или Турецкую Республику Северного Кипра, Азад Кашмир, Вазиристан, да и всю «зону племен» в Пакистане, САДР, Дарфур, Азавад, Сомалиленд, Джубаленд, Авдаленд, Пунтленд, Галмудуг, Норт-

ленд, Маахир и другие парагосударственные образования на территории Сомали, подвижный сепаратизм Восточного Конго, Ва, Шан – в восточных районах Мьянмы и другие очаги квазигосударственности на Индокитайском полуострове в районе «золотого треугольника» и т. д. Еще одним примером трансгрессивной квазигосударственности является подвижная политическая конструкция Исламского государства (более известного как Исламское государство Ирака и Леванта – ИГИЛ). Прохождение постмодернизационного барьера демонстрирует также властный потенциал политэкономических (геоэкономических) сообществ. Выход экономической и индустриальной мощи за пределы национальной территории привел к образованию глобальных корпораций, отраслевых картелей, транснациональных банков, других организованностей, включая геоэкономическое размежевание и реинтеграцию человеческого космоса. Категория геоэкономики активно используется для фиксации слияния политики и экономики, новых формул мироустройства, отчасти заполняя лексический дефицит [69]. В рамках постиндустриального уклада складывается также культура слабоформализованных амбициозных корпораций («антропосоциальных структур»), являющихся действенными субъектами перемен.

Констатация глобальной трансформации за последнюю четверть века стала едва ли не банальностью, между тем общие места формируют новый категориальный аппарат. Постсовременное мироустройство вводит собственный шаблон картографирования: мир прочитывается не как совокупность объектов или задекларированных субъектов, но как сложная динамичная целостность: сумма взаимодействующих функций, изменчивых режимов и подвижных факторов. Наверное, поэтому в политанализ проникают концепты эмерджентности, хаососложности, диссипативных структур, высокоадаптивных систем как наиболее адекватные складывающемуся мироустройству [70]. Растет число исследований, в которых анализируется трансгрессия цивилизации, толкуются перемены в политэкономическом и правовом строе, предлагаются концепты и рецепты, способные, по мнению авторов, эффективно интегрировать расфокусированное социальное зрение, прояснив маршрут истории. Происходящие перемены, генетика новообразований определяются, в конечном счете, трансформацией индивидуального и общественного сознания. Человек расстается с «идеалом машины», преодолевая парадоксы и софизмы механистичных прописей Просвещения и Модернити.

Глобальный социум меняется, демонстрируя черты сверхсложной системы, такой как работа мозга (человек) или погода (природа): постсовременный статус сопряжен с риском предельных состояний и губительных деградаций. Перелом в понимании социокосмоса напоминает ревизию свойств природы, произошедшую на заре прошлого столетия под влиянием теории относительности и постулатов квантовой механики. Антропологическая галактика перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация порядка состязается с другой, следуя неизменным правилам игры. Обретение длительного равновесия кажется все более сомнительным: планетарное сообщество напоминает перегретый котел, приподняв крышку которого, видишь диффузный мир: энергичный, быть может, избыточно многолюдный, приближающийся к турбулентности.

Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует точку невозврата: Большой социальный взрыв как следствие антропологической сингулярности способен не только вовлечь в творческий водоворот эволюционного перехода, но и расколоть планету людей, произведя поток астероидных наследников – агентов мультивекторной эрозии. Триггером вселенского цунами, превращающим трещину в червоточину, может стать некое серьезное потрясение: террористическая акция с применением средств массового поражения либо удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, электронный коллапс, универсальная пандемия, синектрический максимум...

Подводя предварительный итог изменениям, можно предположить, что в мире складывается динамичная система глобальных взаимосвязей, а то, что понималось под международными отношениями еще лет двадцать назад, фактически, не существует. Ялтинский/неоялтинский (хельсинский) миропорядок, установив границы влияния и правила силовых игр, расчертил планету на геополитические зоны, однако сегодня он отходит в прошлое [71, 72]. Субъекты исторического процесса прочерчивают на оболочке глобального сообщества иную, не слишком внятную карту постсовременности, расположенную по ту сторону Большого социального взрыва. Что станет доминантой процесса: сложный подвижный мир антропологического космоса или неоархаичный конгломерат анклавов и пространств, вышедший на поверхность мирового андеграунда? Станет ли это концом цивилизации или окажется еще одним, очередным, зигзагом истории?

Эпоха перемен: контроль и управление

1. Мир XXI в. – реактор, пожирающий прошлое, демонстрирующий нестандартные режимы работы. Венчурность нелинейной грамматики распространяет коды «казино-практики», а ментальность умелых менеджеров и конкистадоров напоминает стиль опытных шахматистов, соединенный с психологией игроков в покер. У границ распахнувшегося эона мир стремительно усложнялся, так что требовалось либо его упростить, либо управлять по-новому. Планетарный контекст заметно повысил значение символических объектов, жестов, процедур. «Принцип домино» перерастает в «эффект бабочки», когда события в одном месте приводят к лавинообразным следствиям в другом: наиболее очевидно это проявляется в сфере общественной психологии или финансовых операций, хорошо управляемых, но весьма уязвимых для триггер-влияний. Транзит эпохи осложняется многообразием путей – от городской цивилизации к подвижной, неонеомадической культуре.

2. Привычная форма институциональной организации – учреждение, т. е. бюрократически-номенклатурный «динозавр». Работа движется по штатным векторам на основе регламента, подчас не вполне ясного. Уровень разделения рисков минимален. По сути, никто (за исключением руководителя, да и то не всегда) ничем серьезным не рискует. Право на инициативу связано с формальной иерархией, ролевым ритуалом, шаблонной прописью. Сетевая организация базируется не на штатной структуре, а на проектно-деятельностном калейдоскопе, антропо-молекулярной комбинаторике, неформальном лидерстве, системном аутсорсинге. Объединена она концептуальным аттрактором и персональной ответственностью за реализацию не ролевой функции (должности), а результативностью акции либо конкретного проекта. Здесь соединяются высокая степень вертикальной мобильности (в обоих направлениях), существенное разделение рисков с импульсивной природой гибкой организованности, оперативно реагирующей на приливы и отливы конъюнктуры. Идеальная модель подобного организма – в синергии соборной миссии с личными устремлениями компетентных и дерзновенных личностей. Это прообраз мира распределенных трансэкономических структур: корпораций в полузабытом значении термина, в своем пределе представляющих не организации, но сумму протоколов, проектов и реализующих их людей. Новая культура, подобно вирусам, может сопридти к во плоти прежних социальных организмов, инфицируя их, продуцируя конфликт между административной

иерархией и сетевой культурой, между управленцем и творцом-креатором.

Новый порядок на планете складывается из фактического статуса, а не исторического казуса, что требует иного уровня ориентации и повышает планку интеллектуальной логистики. Фабрики мысли, породившие отрасль интеллектуальных корпораций – властный дискурс критического класса, механизм трансляции его идей и обновления среды. Аналитические предприятия сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов, чья предметная область – актуальная повестка, смысловой императив, сдвиги в мироустройстве, геэкономическое межевание, проектирование мировых регуляций.

Модель исследовательской корпорации состоит из четырех элементов:

1) *суммы интеллектов* – источника базовой компетенции организации, ее «золотого ключика», т. е. *сотрудников*, сведенных в персонализированные исследовательские молекулы – *ноогены*;

2) *стратегического сценария*, определяющего миссию и цель деятельности в рамках профессионального поля – *научный совет*;

3) *управления стратегией* – ответственности за формулу динамичной оргструктуры, оптимальное распределение активов, интеграцию усилий, использование средств, этапы реализации планов, их результативность – *директорат*;

4) *комплексной логистики* – управления внешними/внутренними ресурсами обеспечения, повышения жизнеспособности и авторитета организации: фонды, HR, PR, материальные кондиции, партнеры, социальный, символический капитал и т. п.

На рецепты практики влияет как изменение ситуации, так и усложнение когнитивного инструментария. Логика постсовременности не вполне совпадает с ментальностью современного человека, что, однако, не влечет отказа от рациональности, скорее, от прежнего ее понимания (например, закономерности микромира смутили и продолжают смущать сознание, в то же время сама теория квантовой механики вполне рациональна). Смысловый кризис ведет к модификации мышления и формулированию начал новой рациональности. Следствие же психологического и аксиологического кризиса – изменение модуса социального поведения.

3. Контроль и управление в подвижном мире – это езда на тигре; несмотря на то, что тигром управляют опытные дрессировщики, общество не застраховано от спонтанных сюрпризов. Понимание кодов действия эволюционировало в прошлом веке от прикладных комбинаций по формуле «средства – цель»

к исследованию самого пространства операций, что привело к новому знанию: разработке методологии масштабных акций, осознанию системного принципа, особенностей динамических систем, специфики антропологических комплексов, появлению критических технологий, познанию сложных структур, что, в свою очередь, вплотную подвело к метафизическому барьеру практики и синергийному ее прочтению. Зыбкие границы теории хаососложности – области между сумерками и мраком для иллюзий Просвещения – охватывали вначале лишь естественные науки. Однако примерно с 80-х гг. XX в., если не раньше, обретенные знания все чаще стали примерять к антропологическому космосу: военной деятельности, бизнесу, политике, социальным процессам. Дисциплинарные рамки толкуются при этом расширительно, а ряд категорий и лексем употребляются метафорически и методологически, скорее ориентируя, нежели определяя. Местом профессионального изучения феномена *сложности* – физической, биологической, социальной, технической, семантической, математической – стал американский Институт теоретических исследований Санта-Фе, созданный в 1984 г. специально для освоения данной проблематики. Предмет исследований – сложные структуры и ситуации, их внутреннее единство, особенности развития. Актуальные направления работы: теория хаоса, математические, генетические, языковые алгоритмы, закономерности работы сетей, междисциплинарные взаимодействия, синергийные эффекты физических и виртуальных деривативов, системная биология, экофизика, моделирование поведения популяций, создание искусственной жизни и т. д. Хотя методология самоорганизующейся критичности – это скорее исследовательская позиция, в которой технологизированы отдельные прописи. В преобразовании постулатов в технологии заинтересованы те, кто связан с проведением сложных операций, планированием акций с долгосрочным, отложенным эффектом, высоким уровнем риска или с комбинаторикой противоречивых факторов. И отчасти те, кто объединен модным термином «*кризис-менеджмент*», имеющие дело с турбулентными политэкономическими процессами, разработчики и руководители комплексных военных, антитеррористических, культурологических операций.

4. Высокие социогуманитарные технологии нацелены на распоряжение объектами и событиями в *мерцающей реальности*, плохо контролируемой конвенциональными методами. Речь идет о техниках матричного, рефлексивного, точечного, косвенного управления, других способах нетривиальных

воздействий и плодотворной инклюзии мутаций в условиях интенсивной новизны. Высокоадаптивная система обладает энергичным потенциалом динамического хаоса, что и проявляется в критических ситуациях. При определенных обстоятельствах небольшие по факту события могут приводить к радикальным изменениям либо разрушению. Простой пример – аморфная куча песка, которая рассыпается после принятия очередной, но фатальной песчинки. При иных обстоятельствах (при наличии в качестве объекта сложной системы) – внешнее влияние способно стимулировать быструю реструктуризацию и установление нового, более сложного порядка. Самоорганизующиеся комплексы естественным образом эволюционируют до критической, «роковой» стадии, на которой определяется их судьба, когда незначительное воздействие способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы и саму будущность системы. Реконфигурация, как и обвал, происходит стремительно. Технологии, нацеленные на управление социальной мобильностью, претендуют на сознательное достижение подобных эффектов, их форсирование, использование критических состояний, а в перспективе – продуцирование из возникающих турбулентностей желаемых форм организации. С приближением к моменту истины – фазовому переходу – перед системой, словно витязем на распутье, возникают четыре альтернативы: откат от бифуркации с удержанием прежнего состояния, инволюция (архаизация), деструкция, обретение более сложного порядка. На пути к трем горизонтам система переживает хаотизацию организации, во время которой она максимально уязвима: полноценная трансформация – рождение нового порядка – невозможна без нарастания нестабильности. Проблема – в малой предсказуемости событий и высоком уровне риска, но «кто хочет стать тем, кем он стремится стать, должен перестать быть тем, кто он есть» (М. Экхарт).

5. Люди – переменные, способные к не слишком предсказуемой, спонтанной активности и вместе с тем к продуманному долгосрочному замыслу. Критическое состояние общества, близкое к хаосу, – предвкусение переворота. Акции в подобной среде носят венчурный, если не прямо авантюрный характер. Искусство организации ситуаций и управления стохастическими массивами заключается в способности реализовать следующие действия:

- 1) подвести систему к неравновесному состоянию;
- 2) в нужное время и в соответствующем месте вбросить фактор, приводящий старый порядок к обвалу (хаотизация организации);

3) создать аттрактор, структурирующий систему в желательном для оператора направлении.

Приведем алгоритм шаблонного действия, связанный с методикой косвенного управления социосистемой: в динамичной среде позиционируется «подсадная утка» – аттрактор, стягивающий своей гравитацией элементы, которые хотелось бы выявить, наблюдать и по мере возможности направлять. Однако для выполнения этой задачи аттрактор должен инициировать/имитировать соответствующую активность, действуя эффективно (если не эффективно), поскольку для сохранения позиции, он должен являться авторитетом. Причем градус эффектности и/или эффективности измеряется по параметрам, присущим данному сообществу. Но что именно происходит при попытке установления контроля подобным образом над подвижной констелляцией? Наверное, для внешнего наблюдателя совокупность действий могла бы показаться гротескной реминисценцией на тему азевовщины. И порою с соответствующими следствиями...

6. Комплексные модели уже не одно десятилетие используются в пространстве финансово-экономических операций, военной сфере, иных областях. Принципиальных различий тут нет: инвариант сюжета – особый гиперреализм, присущий отдельным отраслям практики. Военные, стремясь быстро адаптироваться к угрозам и быть готовыми эффективно действовать в новых ситуациях, тестируют рецепты, прописанные гражданским лицам. Высокие геоэкономические и финансовые технологии инкорпорируют идеи управления кризисами, а также новые методы использования силы. Ну, а «люди Санта-Фе» исследуют проблематику сложности и разрабатывают теоретическую часть критических технологий. Кардинальные изменения происходят в финансово-экономической сфере, наполненной миражами открывшихся пространств трансфинитной практики. Корпорации новой элиты, действуя в условиях конкордата и конкуренции с элитой уходящей, обустроивают каркас штабной экономики, задающей правила игры на планете. В фокусе активности оказывается высокотехнологичное «версаче»: производство ключевых решений, генеральной политики, финансовых прописей, а также геоэкономических технологий, организующих практику в глобальном измерении, обеспечивая устойчивый контроль и доход.

Финансовые технологии в свое время повлияли на формулу денег, создав *новые деньги*, существенно отличные от прежних. Старые были особыми вещами – слитками, монетами, затем векселями, облигациями, сертификатами, банкнотами, обеспеченными ликвидностью банка либо материальными

активами государства. Но, например, чем обеспечена современная американская банкнота (наследник ценной бумаги, однако с обратным процентом, т. е. доходностью, перенаправляемой инфляцией с кредитора на эмитента-должника)? Ни сокровищами форта Нокса, ни собственностью США, да и вообще – это не продукт американского казначейства. Обеспечена же она осязаемым авторитетом и властью, востребованностью в сфере текущих и отложенных операций, глобальной циркуляцией, универсальной ликвидностью, т. е. символическим и социальным капиталом, другими нематериальными активами, совокупной мощью США и «6-м американским флотом». Федеральная резервная система США при всех обременениях, возложенных на нее государством, пожалуй, первое мощное постиндустриальное и, фактически, трансграничное предприятие XX в. Или, к примеру, технология перманентного *глобального долга*. Ее суть можно уловить, рассматривая эмиссию долговых обязательств как форму колонизации будущего – т. е. поступательную *капитализацию времени*. Глобальный долг, в свою очередь, превращается в систему контроля над траекториями мирового дохода/ресурсных потоков и национальных систем потребления, а также инфраструктуру квазиинтерных геоэкономических платежей. Либо *управление рисками*. Горизонт данной технологии не только в *страховании* национальных, региональных, глобальных рисков или перспективе создания соответствующих мировых институтов, но также в искусстве *управления* кризисными ситуациями (т. е. *капитализации альтернатив бытия*). То же можно сказать о контурах глобальной налоговой системы, прообраз которой промелькнул еще в схеме Киотского протокола. Особая тема – *деструктивная паразитология* (включая трофейную), в рамках которой доход образуется за счет деконструкции, подчас высокоиндустриальной и высокотехнологичной, результатов человеческой деятельности. Но высотная граница сюжета – обустройство виртуальных/математических территорий *трансфинитной* хрестической практики как источника обновления и метаморфоз финансовой системы. Принципиальное значение тут имеет появление нелимитированного физическими пределами распределенного множества платежеспособных виртуальных потребителей / производителей, подобно шредеру уничтожающих прежние обязательства и ограничения.

7. Заслуживает внимания роль организаций, изучающих комплексные проблемы военных операций, в частности, Группы по изучению действий в условиях неопределенности, Центра по исследованию сложных

операций при Пентагоне и Университете национальной обороны США. Уже лет двадцать как постулаты нелинейной динамики взяты на вооружение Корпусом морских пехотинцев... Методы рефлексивного управления, а также иные инновационные способы применения средств господства были, к примеру, с успехом использованы при планировании и проведении военных акций на Ближнем Востоке. Кстати, если бы в свое время Сталин имел представление о подобном инструментарии, последствия венчурного мышления стратегических оппонентов СССР не застали бы страну врасплох. Последнее замечание связано с переоценкой роли «объективных» факторов, ограничивающей понимание природы венчурных операций и соответствующей ментальности. Это обстоятельство, например, позволило Гитлеру не только достичь тактической внезапности, но еще и выиграть стратегически значимый отрезок времени из-за внушенной Сталину оценки старта восточной кампании как результата «заговора генералов» в Германии. Схожим образом в ходе операции «Щит пустыни» был спровоцирован отвод С. Хуссейном элитной республиканской гвардии из Кувейта из-за навязанного предположения о продвижении американского контингента к Багдаду, т. е. персональной угрозе субъекту воздействия. Так операции, осуществленные в Афганистане, Ираке, других горячих точках, в определенном смысле и независимо от ввода/вывода военных контингентов не имеют временной границы. Скорее, они вписываются в стратегический дизайн, представляя звенья, опорные площадки гибкой системы управления, преследующей следующие цели:

- 1) поддержание высокой боеготовности войск, находящихся в условиях практически перманентной мобильности или боевых действий низкой интенсивности;
- 2) непосредственный контроль над ключевыми/критическими зонами, оперативный контроль над окружающей средой, сохранение быстрого доступа в горячие точки;
- 3) выстраивание синкретичных коалиций, отлаживание коммуникации и комплексного взаимодействия различных сил и агентств в агрессивной среде;
- 4) апробация инновационных методов проведения боевых, разведывательных и логистических операций, включая нетрадиционные; испытание техники и вооружений;
- 5) использование частных военных корпораций, создание конъюнктурных оперативно-тактических союзов и гибридных коалиций.

Стратегия сдерживания при этом заменяется доктриной упреждающих ударов, причем уровень

активного применения «тяжелых» боевых средств снижается, смещаясь к модификациям «умной пыли». В пределе важна не «полная и окончательная» победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перехват и удержание стратегической инициативы, создание эффективного управления в подвижной, децентрализованной среде. «В XXI в. наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально и больше не следуют установленным правилам» (В. Герасимов, начальник Генштаба России). Горячая тема – гибридные, сетевые, нелинейные, ползучие войны, мятеж-войны, прокси-войны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных армий, комбатантов, инсургентов, эскадронов смерти, разведывательных / интеллектуальных корпораций. «Вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны – традиционные, нерегулярные или террористические – мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Ф. Хоффман).

8. Другая актуальная паравоенная тема – экспансия террористического интернационала, культуры смерти и системного терроризма, активно использующего преимущества распределенной организации и сетевого управления (*undernet*), что значительно повышает адаптивность и эволюционные возможности. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая; для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований» (Е. Месснер). Черты феномена напоминают течение инфекционных заболеваний, поведение перманентно атакуемых популяций или компьютерных токсинов. Соответственно эффективная («гиперэкологическая») стратегия купирования строится не только на успехе собственно военных операций, но главным образом на модификации среды.

9. Актуальность преадаптации к динамичной реальности и ее негативным аспектам подтверждается возникающими ситуациями. Сумма тестовых площадок новой реальности может стать полигоном универсального конфликта – столкновения венчурных инициатив и охранительных намерений. Появляется призрачный диффузный среды, в которой конфессии

замещаются культурами, сектами, орденами, политика пронизывается операциями политтехнологов, спецслужб, террористов, экономика конкурирует с хрематистикой, а культура вытесняется индустрией развлечений, электронных и химических грез. Мир-XXI в. рождает новые, уходящие в неизвестность сценарии, упрощение которых чревато неожиданными контрапунктами сюжета.

Список литературы

- Guardini R. Das Ende der Neuzeit. Leipzig, 1954. 186 p.
- Drucker P. The Landmarks of Tomorrow. New York, 1957. URL: <http://www.druckerinstitute.com/peter-druckers-life-and-legacy/books-by-drucker/> (дата обращения: 26.02.2015)
- Sauvy A. Trois mondes, une planete // L'Observateur. 1952. No. 118. P. 14.
- Balandier J. L'anthropologie appliquée aux problèmes des pays sous-développés. Paris: Cours de Droit, 1955. 376 p.
- Fourastie J. Le grand espoir du XX-s siecle. Paris, 1949. 224 p.
- Aron R. Le developement de la societe industrielle et la stratification sociale. Paris, 1956. 239 p.
- Aron R. Trois essais sur l'age industrielle. Paris, 1966.
- Aron R. 18 Lectures on Industrial Society. Leipzig, 1968.
- Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-communist Manifesto. Cambridge, 1960. 272 p.
- Rostow W.W. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.
- Dahrendorf R. Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.
- Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Glencoe, 1958.
- Hagen E. On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins. Homewood, 1962.
- Levy M. Jr. Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs. Vol. 12. Princeton, 1966.
- Eisenstaedt S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966.
- Black C. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York, 1966.
- Prebisch R. Transformación y desarrollo. México, 1970.
- Prebisch R. Critique of Peripheral Capitalism. 1976.
- Prebisch R. Socioeconomic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism. 1978.
- Cardoso F. Sociologie du development eu AmdriqueLatine. San-Paolo, 1969.
- Dos Santos T. El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968.
- Sorokin P. The Basic Trends of Our Times. New Haven: College & University Press, 1964.
- Tinbergen J. International economic integration. Amsterdam, 1965.
- Schelsky H. Schule und Erziehung in der industnellen Gesellschaft. Würzburg, 1957.
- Saxarov A. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. М., 1968. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/saxharov_progress.html (дата обращения: 26.02.2015)
- Fourastié J. Les Conditions de l'esprit scientifique. Paris, 1966.
- Galbraith J.K. The New Industrial State. 1967. URL: <http://press.princeton.edu/titles/8389.html> (дата обращения: 26.02.2015)
- Riesman D. Leisure and Work in PostIndustrial Society. Mass Leisure. Glencoe, 1958.
- Bell D. Notes on the PostIndustrial Society // The Public Interest. 1967. № 6, 7.
- Touraine A. La societé postindustrielle. Paris, 1969.
- Bell D. The Coming of PostIndustrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973.
- McLuhan H.M. The Gutenberg Galaxy. Toronto, 1962.
- Masuda Y. The Information Society as PostIndustrial Society. Washington: World Future Society, 1981.
- Baudrillard J. La societé de consommation. Paris, 1970.
- Etzioni A. The Active Society. A Theory of Social and Political Processes. New York, 1968.
- Wright Mills C. The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970.
- Lyotard J. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. Paris, 1979.
- Wallerstein I. The Modern WorldSystem. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World Economy. New York, 1974.
- Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalism, XVe-XVIIIe siècle. Paris, 1979.
- Неклецца А. Осмысление Нового мира // Восток. 2000. № 4. С. 46–62.
- Неклецца А. A la carte // Полис. 2001. № 4. С. 156–167.
- Brzezinski Z. America in the Technetronic Age. New Questions of Our Time Encounter. Vol. XXX. 1968.
- Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Сост.: Д.М. Гвишиани, А.И. Колчин, Е.В. Нетесова, А.А. Сейтов. М., 1997. 384 с.
- Wallerstein I. After Liberalism. New York, 1995.
- Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, 1970.
- Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York, 1976.
- Jantsch E. Technological forecasting in perspective. Paris, 1967.
- Peccei A. The Chasm Ahead. Toronto, 1969.
- Johnson L. B. Remarks in New York City Before the National Conference of Editorial Writers. 1966.
- Неклецца А. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX в. Российские стратегические исследования. М.: Логос, 2002.

51. Meadows D., Meadows D., Randers J., Behrens III W. The Limits to growth; a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. New York, 1972.
52. Неклесса А. Генезис и практика программ структурной перестройки. Рубежи. М.: Инфоцентр, 1997.
53. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. Pp. 3–18.
54. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York, Free Press, 1992.
55. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997.
56. Brzezinski Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. New York, 1993.
57. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. No. 3.
58. Santoro C. Progetto di ricerca multi funzionale 1994–1995. I nuovi poli geopolitici. Milano, 1994.
59. Wallerstein I. After Liberalism. New York, 1995.
60. URL: http://www.unavoce.ru/library/evangelium_vitae.html (дата обращения: 26.02.2015)
61. Soros G. The Crises of Global Capitalism. Open Society Endangered. New York, 1998.
62. Неклесса А. Реквием XX в. // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1.
63. Неклесса А. Реквием XX в. // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 2.
64. Перес Ш. Новый Ближний Восток. М., 1994.
65. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998.
66. Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // International Social Science Journal. 1998. No. 118. P. 454.
67. Неклесса А. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9. С. 103–112.
68. Неклесса А. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей. Pro et Contra. М.: Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), 2002. Т. 7. № 4. Внешняя политика нового века. С. 725.
69. Неклесса А. Геоэкономическая формула мироустройства // Развитие и экономика. 2013. № 7. С. 112–122.
70. Неклесса А. Кризис мировидения // Полис. 2013. № 3. С. 629.
71. Неклесса А. Трансмутация на историята. 11 сентября 2001 г. в исторической перспективе и ретроспективе // Философски алтернативи. Philosophical alternatives. София: Списание на Института за философски изследвания при БАН. 2004. Vol. XIII. № 6. С. 4058.
72. Неклесса А. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 89–96.

В редакцию материал поступил 16.02.15

© Неклесса А. И., 2015

Информация об авторе

Неклесса Александр Иванович, профессор, заведующий лабораторией «Север–Юг» Института Африки РАН; председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Адрес: 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, тел.: (495) 697-02-85

E-mail: neklessa@intelros.ru

Как цитировать статью: Неклесса А.И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 93–107.

A. I. NEKLESSA,

Professor, Head of Laboratory

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

GLOBAL TRANSIT: FROM CRITICAL TECHNOLOGIES TO COMPLEX PRACTICE

We knew the world would not be the same.

A few people laughed, a few people cried. Most people were silent.

J. Robert Oppenheimer

Objective: to study the dynamics of global economic, social-cultural and military-political transformations of the humanity in the end of 20th – beginning of the 21st c.

Methods: systemic-prognostic approach to analysis of social reality determined the “register” of specific research methods: phenomenological reduction, hermeneutic comparative method, systemic analysis.

Results: general trends of social transformations in the global community are revealed, strategic risks of the global society development are defined.

Scientific novelty: the article presents a complex analysis of the modern world structure and reveals the probable scenarios of the scientific community responses to the challenges of modern times.

Practical value: the main provisions and conclusions of the article are topical for the scientific-research and educational activity when viewing the global issues of modern times in economic, social-cultural and military-political perspective, as well as for development of scientific methodology in social-humanitarian studies.

Key words: systemic prognosing; global issues of modern times; global society; research corporations; risk management; methodology of self-organizing critical approach; geo-economical technologies; financial technologies.

References

1. Guardini, R. *Das Ende der Neuzeit*. Leipzig, 1954, 186 p.
2. Drucker, P. *The Landmarks of Tomorrow*. New York, 1957, available at: <http://www.druckerinstitute.com/peter-druckers-life-and-legacy/books-by-drucker/> (accessed: 26.02.2015)
3. Sauvy, A. Trois mondes, une planete. *L'Observateur*, 1952, no. 118, p. 14.
4. Balandier, J. *L'anthropologie appliquée aux problèmes des pays sous-développés*. Paris: Cours de Droit, 1955, 376 p.
5. Fourastie, J. *Le grand espoir du XX-s siècle*. Paris, 1949, 224 p.
6. Aron, R. *Le developement de la societe industrielle et la stratification sociale*. Paris, 1956, 239 p.
7. Aron, R. *Trois essais sur l'age industrielle*. Paris, 1966.
8. Aron, R. *18 Lectures on Industrial Society*. Leipzig, 1968.
9. Rostow, W.W. *The Stages of Economic Growth. A Noncommunist Manifesto*. Cambridge, 1960, 272 p.
10. Rostow, W.W. *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge, 1971.
11. Dahrendorf, R. *Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press, 1959.
12. Lerner, D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. Glencoe, 1958.
13. Hagen, E. *On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins*. Homewood, 1962.
14. Levy, M.Jr. *Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs*. Vol. 12. Princeton, 1966.
15. Eisenstaedt, S. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, 1966.
16. Black, C. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York, 1966.
17. Prebisch, R. *Transformación u desarrollo*. Mékhico, 1970.
18. Prebisch, R. *Critique of Peripheral Capitalism*. 1976.
19. Prebisch, R. *Socioeconomic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism*. 1978.
20. Cardoso, F. *Sociologie du development eu AmdriqueLatine*. San-Paolo, 1969.
21. Dos Santos, T. *El nuevo caracter de la dependencia*. Santiago-de-Chile, 1968.
22. Sorokin, P. *The Basic Trends of Our Times*. New Haven: College & University Press, 1964.
23. Tinbergen, J. *International economic integration*. Amsterdam, 1965.
24. Schelsky, H. *Schule und Erziehung in der industnellen Gesellschaft*. Würzburg, 1957.
25. Sakharov, A. *Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noi svobode* (Thoughts on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom). Moscow., 1968, available at: http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress.html (accessed: 26.02.2015)
26. Fourastié, J. *Les Conditions de l'esprit scientifique*. Paris, 1966.
27. Galbraith, J.K. *The New Industrial State*. 1967, available at: <http://press.princeton.edu/titles/8389.html> (accessed: 26.02.2015)
28. Riesman, D. *Leisure and Work in PostIndustrial Society. Mass Leisure*. Glencoe, 1958.
29. Bell, D. *Notes on the PostIndustrial Society. The Public Interest*. 1967, no. 6, 7.
30. Touraine, A. *La société postindustrielle*. Paris, 1969.
31. Bell, D. *The Coming of PostIndustrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York, 1973.
32. McLuhan, H.M. *The Gutenberg Galaxy*. Toronto, 1962.
33. Masuda, Y. *The Information Society as PostIndustrial Society*. Washington: World Future Society, 1981.
34. Baudrillard, J. *La société de consommation*. Paris, 1970.
35. Etzioni, A. *The Active Society. A Theory of Social and Political Processes*. New York, 1968.
36. Wright Mills, C. *The Sociological Imagination*. Harmondsworth, 1970.
37. Lyotard, J. *La condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris, 1979.
38. Wallerstein, I. *The Modern World System*. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World Economy. New York, 1974.
39. Braudel, F. *Civilisation matérielle, économie et capitalism, XVe-XVIIIe siècle*. Paris, 1979.
40. Neklessa, A. Osmyslenie Novogo mira (Interpretation of the New world). *Vostok*, 2000, no. 4, pp. 46–62.
41. Neklessa, A. A la carte. *Polis*, 2001, no. 4, pp. 156–167.
42. Brzezinski, Z. *America in the Technetronic Age. New Questions of Our Time Encounter*. Vol. XXX. 1968.
43. Gvishiani, D.M., Kolchin, A.I., Netesova, E.V. *Rimskii klub. Istoriya sozdaniya, izbrannye doklady i vystupleniya, ofitsial'nye materialy* (Roman club. History of creation, selected reports and speeches, official materials). Moscow, 1997. 384 p.
44. Wallerstein, I. *After Liberalism*. New York, 1995.
45. Brzezinski, Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York, 1970.
46. Brzezinski, Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York, 1976.
47. Jantsch, E. *Technological forecasting in perspective*. Paris, 1967.
48. Peccei, A. *The Chasm Ahead*. Toronto, 1969.

49. Johnson, L.B. *Remarks in New York City Before the National Conference of Editorial Writers*. 1966.
50. Neklessa, A. *Chetvrtiy Rim. Global'noe myshlenie i strategicheskoe planirovanie v poslednei treti KhKh v Rossiiskie strategicheskie issledovaniya* (The fourth Rome. Global thinking and strategic planning in the last third of the 20th c. Russian strategic research). Moscow: Logos, 2002.
51. Meadows, D., Meadows, D., Randers, J., Behrens, III W. *The Limits to growth; a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind*. New York, 1972.
52. Neklessa, A. *Genezis i praktika programm strukturnoi perestroiki. Rubezhi* (Genesis and practice of structural reconstruction program. Stages). Moscow: Infotsentr, 1997.
53. Fukuyama, F. The End of History? *The National Interest*, 1989, pp. 3–18.
54. Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man*. New York, Free Press, 1992.
55. King, A., Shnaider, B. *Pervaya global'naya revolyutsiya. Rimskii klub. Istorija sozdaniya, izbrannye doklady i vystupleniya, ofitsial'nye materialy* (The first global revolution. Roman club. History of creation, selected reports and speeches, official materials). Moscow, 1997.
56. Brzezinski, Z. *Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century*. New York, 1993.
57. Huntington, S. The Clash of Civilizations. *Foreign Affairs*. 1993, vol. 72, no. 3.
58. Santoro, C. *Progetto di ricerca multi funzionale 1994–1995. I nuovi poli geopolitici*. Milano, 1994.
59. Wallerstein, I. *After Liberalism*. New York, 1995.
60. http://www.unavoce.ru/library/evangelium_vitae.html (accessed: 26.02.2015)
61. Soros, G. *The Crises of Global Capitalism*. Open Society Endangered. New York, 1998.
62. Neklessa, A. Rekviev XX v. (Requiem of the 20th c). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2000, no. 1.
63. Neklessa, A. Rekviev XX v. (Requiem of the 20th c). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2000, no. 2.
64. Peres, Sh. *Novyi Blizhnii Vostok* (New Middle East). Moscow, 1994.
65. Darendorf, R. *Posle 1989. Moral', revolyutsiya i grazhdanskoe obshchestvo. Razmyshleniya o revolyutsii v Evrope* (After 1989. Morals, revolution and civil society. Thoughts on revolution in Europe). Moscow, 1998.
66. Touraine, A. Modernity and Cultural Specificities. *International Social Science Journal*, 1998, no. 118, pp. 454.
67. Neklessa, A. Upravlyaemy khaos: dvizhenie k nestandardnoi sisteme mirovykh otnoshenii (Controlled chaos: movement towards non-standard system of global relations). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2002, no. 9, pp. 103–112.
68. Neklessa, A. *Vneshnyaya politika novogo mira: dvizhenie k nestatsionarnoi sisteme mirovykh svyazei. Pro et Contra* (External policy of the new world: movement towards non-stationary system of world links. Pro et Contra). Moscow: Fond Karnegi za mezhdunarodnyi mir (Carnegie Endowment for International Peace), 2002, vol. 7, no. 4. *Vneshnyaya politika novogo veka*. P. 725.
69. Neklessa, A. Geoekonomicheskaya formula miroustroistva (Geoeconomic formula of the world structure). *Razvitie i ekonomika*, 2013, no. 7, pp. 112–122.
70. Neklessa, A. Krizis mirovideniya (Crisis of world outlook). *Polis*, 2013, no. 3, p. 629.
71. Neklessa, A. Transmutatsiya na istoriyata. 11 sentemavri 2001 g. v istoricheska perspektiva i retrospektiva (Transmutation of history. September 11 2001 in historic prospective and retrospective). *Filosofski alternativni. Philosophical alternatives*. Sofiya: Spisanie na Institutu za filosofski izsledovaniya pri BAN, 2004, vol. XIII, no. 6, p. 4058.
72. Neklessa, A. Global'naya transformatsiya: sushchnost', genezis, prognoz (Global transformation: essence, genesis, prognosis). *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004, no. 1, pp. 89–96.

Received 16.02.15

Information about the author

Neklessa Aleksandr Ivanovich, Professor, Head of Laboratory "North-South" of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences; Chairman of the Commission on Socio-cultural Issues of Globalization, Member of the Bureau of Scientific Council "History of the World Culture" of the Presidium of the Russian Academy of Sciences

Address: 30/1 Spiridonovka Str., 123001, Moscow, tel.: (495) 697-02-85

E-mail: neklessa@intelros.ru

How to cite the article: Neklessa A. I. Global transit: from critical technologies to complex practice. *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 1 (33), pp. 93–107.

© Neklessa A. I., 2015